

Р. Ш. Зельницкая (Шларба)

**О НЕКОТОРЫХ КАРАЧАЕВО-АБХАЗСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ
В УСТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются параллели в социальной стратификации двух обществ, населяющих Кавказ: карачаевском и абхазском. Как показали исследования, социальная структура этих двух народов, несмотря на то что они живут по разным сторонам Кавказского хребта, имеет сходные черты.

Для обоих обществ исторически характерно компактное проживание представителей родственных коллективов (фамильных союзов) в рамках одного поселения или квартала более крупного населенного пункта. Важнейший фактор, влияющий на имущественное расслоение и социальную стратификацию обоих обществ, — обладание земельным наделом как основным капиталом. В зависимости от этого существующая в обоих обществах система социальных отношений подразумевает обязательное выделение основных держателей земли, занимающих привилегированное положение и играющих роль местной аристократии. Соответственно остальные группы населения как у абхазов, так и у карачаевцев делятся на обладающих личной свободой, но связанных отношениями обязательств с представителями аристократии, которые позволяют им свободно распоряжаться своими участками земли, и на лиц, лишенных личной свободы, находящихся в зависимости как от дворянства, так и от лично свободных общинников. В обоих обществах существует группа, занимающая промежуточное положение между представителями аристократии и лично свободными общинниками, анализ происхождения которой представляется наиболее сложным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Карачай, абхазское общество, социальная структура, патронимия

УДК 316:39(=512.142/=352.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2019-2(4)-72-79

ЗЕЛЬНИЦКАЯ (ШЛАРБА) РИЦА ШОТОВНА — к.и.н., с.н.с. отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Российский этнографический музей (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: riza81@yandex.ru

Основными средствами производства как в Абхазии, так и в Карачае были земля и скот. Ведущей отраслью производства в Карачае было скотоводство, а земледелие имело подсобное значение. В Абхазии мы видим противоположную картину. Несмотря на важность скотоводческого или земледельческого хозяйств, для обоих исследуемых народов большое значение имела земля. Одни использовали ее в качестве посевных площадей, другие — как покосные места или пастбища.

У всех народов Северного Кавказа общественные отношения были схожи. У большей части народов Кавказа каждая фамилия или фамильный союз имеют своего легендарного родоначальника. Кроме того, следует обратить внимание на желание жителей Кавказа удревнить свое происхождение ради того, чтобы приписать себе отдельные участки земли. Более или менее четкие данные о сословном делении кавказских народов содержатся в сообщениях XIX в., которые позволяют нам говорить о его схожести у большинства народов, населяющих исследуемый регион. Р. М. Бегеулов описывает социальную структуру народов Центрального Кавказа следующим образом: «Похожие структуры управления и общественно-политического устройства сложились в карачаево-балкарских, осетинских и абазинских обществах. Во главе территориально-политических образований стояли князья, которым принадлежала верховная власть¹. В вассальной зависимости от них находились дворяне, составлявшие главную военную силу этих обществ и участвовавшие в политическом управлении. Крестьянство находилось в различной степени зависимости от феодалов, причем часть его считалась лично свободной. Повсеместно имелись группы бесправных рабов. При князьях существовали дружины и лица, исполнявшие роль судебных исполнителей, сборщиков налогов и т. п.» (Бегеулов 2002: 13).

В статье сделана попытка проанализировать параллели в социальной структуре двух различных по хозяйственному типу народов — карачаевцев и абхазов, в качестве примеров приводятся и другие народы Северо-Западного Кавказа.

Карачаевские и абхазские общественные отношения были патриархально-родовыми, как и у других народов Северного Кавказа.

Карачаевцы жили в селениях (эль), которые территориально совпадали с общиной (*джамагат*²). Селение, в свою очередь, делилось на фамильные кварталы (*тукъум тийре*). Похожий тип расселения мы видим и у абхазов: территория делится на селения (*акыта*), которые дробятся на небольшие поселки (*ахабла*). До последней волны мухаджирства в 1877 г. в ахабла проживали представители одного фамильного союза. Эти поселки были своеобразным фамильным кварталом и, как правило, получали свое название по этому принципу (Невская и др. 1978: 198–199; ПМА 2008).

Кавказский материал по патронимии хорошо показывает, как происходил процесс ее разрастания. В результате деления вновь образовавшиеся фамилии, по существующему общему правилу, жили компактно, сохраняя свое единство. Именно поэтому здесь мы видим фамильные кварталы и поселки, заселенные представителями одного фамильного союза: у абхазов — *абипара*, у карачаевцев — *атаул*. Можно предположить, что патронимические объединения локализовались в одном селении. Кварталы и *ахабла* еще в начале XX в. часто носили названия либо основоположника фамильного союза, либо того фамильного союза, который здесь проживал.

¹ Общим названием для феодалов восточно-осетинских обществ — Тагаурии, Алагирии и Куртатии — часто служил термин *алдары*. Кроме того, в Алагирском обществе Осетии, где феодальные отношения были развиты довольно слабо, класс феодалов находился только в стадии становления и не имел таких прав и преимуществ, как в соседних обществах, особенно в Дигории и Тагаурии. В связи с этим в Алагирии не существовало специального термина для обозначения феодализирующих родов и кланов, которые назывались просто *стыр* или *тыхджын мыггаг* — большая или сильная фамилия (Блиев 1959: 28).

² Следует обратить внимание на то, что *джамагат* служил еще и народным представительством в судопроизводстве. Карачаевский *джамагат* представлял собой аналог осетинского *ныхаса*, то есть высшего органа управления, которое было многоступенчатым.

Основные формы землепользования и землевладения и в Абхазии, и в Карачае — подворное и общинное. Реальными владельцами земли были, как правило, представители высших сословий либо те, кто раньше всех поселился в данной местности. Несмотря на то что основную черту патриимии составляет ее единство, общинные земли к началу XIX в. были разделены между отдельными влиятельными фамилиями. Князья и дворяне, раздавая земли своим *узденям* (в Карачае) или *анхаюы цкиа* (свободным общинникам) — в Абхазии, накладывали на них отдельные повинности. Например, у карачаев «в ходе феодальной раздробленности появились также уздени, которые несли повинности в пользу удельных князей — Дудовых — владельцев Хурзукского общества, Карабашевых — Дуутского общества с селениями Дуут, Джазлык и Артмак-Джурт, Крымшамхаловых — Картджуртского общества с селениями Карт-Джурт, Кылиан-Кала, Марджасын, Джаланкол, Аманкол и других, Учкуланского общества, которое управлялось корпоративным советом узденей» (Каракетов, Магаяева 2014: 289–290). Похожую ситуацию мы наблюдаем и у абхазов. Здесь крестьяне, находившиеся, по нашему мнению, на той же ступени социальной лестницы, что и уздени, несли повинности согласно занимаемому статусу в социальной иерархии.

После распределения земли каждая семья получала свой отдельный участок внутри фамильного надела. Он передавался по наследству. В Карачае в случае отсутствия наследников земля возвращалась князю или дворянам, тогда как в абхазском обществе этот участок переходил к родственнику по мере близости родства. В обоих обществах дочери или сестры не обладали правом наследования. Обычно отец семейства делил свой земельный участок между сыновьями, когда они обзаводились отдельными семьями. О порядке передачи земли по наследству или ее продаже читаем: «В Карачае, — пишет Н. Г. Петрусевиц, — отдельные лица, пользуясь одними и теми же участками в продолжении нескольких десятков лет, стали считать их своею собственностью и передали как собственность детям или родственникам своим или наконец продавали эти участки. Потом, когда народонаселение увеличилось, появились семейства, не имеющие вовсе земли и принужденные приобретать ее покупкой от захвативших таковую» (Каракетов 2013: 354). По такому же принципу земля перераспределялась и в абхазском обществе. По рассказам потомков представителей держателей земли нам известно несколько случаев, когда глава семьи разделил землю между сыновьями, чтобы между ними не возник конфликт (ПМА 2008). Следует обратить внимание на то, что абхазы продавали землю в очень редких случаях, так как каждый житель был прикреплен к земле. Поменяв свое место жительства, член социума лишался своего статуса.

Продолжая рассуждать о том, кто и при каких обстоятельствах мог получить землю во владение, можно сказать следующее. У карачаевцев и абхазов, согласно нормам обычного права, тот, кто привел в пригодное хозяйственное состояние земельный участок, ранее никому не принадлежавший, то есть очистил его от камней, укрепил каменной оградой, провел воду, выкорчевал деревья, террасировал, становился его собственником, владельцем. Это были в первую очередь пашни. У карачаевцев они назывались *сабаны*, у абхазов — *амхы*. За владельцем даже признавалось право продажи и дарения такого участка. Но к XIX в. резервов для приобретения земли в собственность таким способом у исследуемых народов почти не осталось. Все мало-мальски пригодные для обработки полоски земли использовались в хозяйстве. Более того, следует подчеркнуть тот факт, что здесь не было никому не принадлежавших земель. Все земли находились на протяжении десятилетий в собственности либо высших сословий, либо свободных общинников.

О состоянии земли в XIX в мы читаем: «Горные пастбища и сенокосы номинально считались общественной собственностью, так как фактически, по рассказам старожил, в Карачае не было ни одного гектара общественного сенокоса. Наиболее влиятельные фамилии — князья

и кара-уздени — сосредоточили в своих руках все лучшие горные сенокосные участки, служившие также зимним пастбищем, — тауқышлыки. Многие из них назывались по фамилии владельца, например Джанашланы-тала — поляна Джанашевых, Гебенланы — Гебеновых, Богатыр-тала — поляна Богатыровых и т. п. Те летние пастбища, которые прилегали к тауқышлыкам, принадлежали той же фамилии, которой принадлежал и тауқышлык» (Студенецкая 1937: 48). Н. С. Иваненков также приводит факт, который он наблюдал в 1908 г., когда хозяева кышлыка силой сгоняли скот с прилегавших к кышлыку летних пастбищ: «Сыновья Смайлы Бекирова Узденова захватили урочища Кысырла-Срюльген и согнали из захваченной земли скот Токму-Токмаева Каракетова» (Иваненков 1912: 37).

В зависимости от того, как были распределены земельные владения, Петрусеви́ч разделил карачаевцев на три категории: на имеющих земли совершенно достаточно, а потому не нуждающихся в наделе; на имеющих землю, но в таком количестве, которое не может удовлетворить их потребности; и на не имеющих вовсе земли или имеющих ее только под домами и огородами (Гаджаев 2016). Абхазское общество также можно разделить на тех, кто имел землю в достатке, на тех, кто имел надел, но недостаточно, и на тех, кто ничего не имел. Следует отметить, что в собственности отдельных лиц были не только земли, отведенные под пашню, но и пастбища. Представители высших сословий могли отдать в пользование земельные наделы в ответ на то, что крестьяне будут нести за них отдельные повинности.

О социальной структуре исследуемых обществ можно сказать следующее: на Кавказе была четко выражена градация населения по социальному признаку. Жесткой кастовой системы здесь не было, и изменение социального статуса в определенных рамках было возможно, причем как в сторону повышения сословного положения в обществе, так и понижения. Невозможно было только дослужиться до статуса князя или горского боярина — *улу ёздена*. Ведущие позиции в аристократических обществах занимали князья, горское боярство и дворяне (Бегеулов 2002). Особую социальную прослойку в абхазском обществе составляли так называемые *анхаюы аамыста*. В исторической литературе по карачаевцам этот слой не выделяли, но упоминания о нем встречаются в дореволюционных публикациях. Как правило, на Кавказе большинство населения от рождения и до смерти принадлежало к определенной сословной группе, что во многом определяло их жизнь, занятия, поведение в обществе.

Подробное деление абхазского общества на сословия мы находим у Ф. Торнау: «Абхазцы, называющие своего владельца “ах”, делятся на пять сословий: “тавад”, князей; “амиста”, дворян; “ашнахмуа”, владетельских телохранителей, составляющих среднее сословие; “анхао”, крестьян, и “агруа”, рабов <...> Княжескими званиями пользуются в Абхазии: Шервашидзе, Иналипы, Анчабадзе, Эмхуа, Чабалурхуа, Маршани и Дзапшыпы. Самые значительные дворянские фамилии: Лакербаи, Маргани, Микамбаи и Зумбай. Кроме того, существуют в Абхазии незначительные дворяне, так называемые лесные, “акуаца амиста”, состоящие из чрезвычайно многочисленных родов: Цымбай, Баргба и Акырта» (Торнау 2008: 217–218).

Представители аристократии следили за чистотой крови. Браки заключались, как правило, между представителями одного сословия. Правда, бывали исключения, но дети от князя и женщины, происходившей из более низкого боярского или дворянского сословия, не получали сословных преимуществ отца. В начале XX в. эту гипотезу подтвердил Иваненков, который писал: «Сословия дворян, узденей и простых людей не смешиваются между собою и между ними и поныне существует большая разница: ни образование, ни заслуги перед нашим правительством, ни богатство не могут сравнять человека низшего сословия с высшим. Браки между ними не происходят. С потерей

со времен завоевания Карачая Россией наследственной власти и руководство народом и с освобождением крестьян высшие сословия не совсем, однако, утратили значение в общей жизни карачаевцев» (Иваненков 1912: 29). Для сохранения чистоты крови между представителями аристократии заключались межэтнические «династические» браки. Это приводило к установлению родственных отношений и стабилизации отношений в регионе, так как родственные узы принуждали оказывать друг другу всяческую помощь и поддержку.

Между привилегированным сословием и крестьянством в абхазском и карачаевском обществах находился промежуточный слой. В карачаевском социуме — *чанка*³, а в абхазском — *ашьнакума*. Этот социальный слой образовывался в обоих обществах примерно одинаковым способом:

- 1) за счет потомков от неравных браков;
- 2) за счет князей, которые по разным причинам лишились своего сословного статуса;

3) за счет аристократов, переселявшихся на территории Карачая и Абхазии из других районов Кавказа и не сумевших сохранить здесь свой княжеский статус. Например, «князья Карамурзины, переселившиеся в Карачай в 20-х гг. XIX в., не имели там владельческого статуса, а приравнивались ко второму по социальной значимости в обществе сословию чанка» (Бегеулов 2002: 46).

Далее рассмотрим абхазское и карачаевское крестьянское сословие, обладающее у этих народов большим сходством. Основным сословием как в Карачае, так и в Абхазии были свободные крестьяне-общинники. В Карачае они называются *уздени*, или *каракиши*, а в Абхазии — *анхаюыцкиа*. Они сохранили довольно независимое положение в обществе. В обоих социумах крестьяне делились на несколько категорий. Как отмечалось выше, карачаевских *къара ёзден* — свободных общинников — можно сравнить с абхазскими «чистыми крестьянами». *Сарай ёзден* — пожалованные в горские бояре (Салпагаровы). *Сарай ёзденем* становились представители *къара ёзденей* — свободных общинников.

Улу ёзден — общинник, имевший собственную землю и имевший право передавать ее по наследству. «Стать улу ёзденем невозможно, им надо родиться, — говорят до сих пор в народе» (ПМА 2016). «За сословием бий, — отмечали авторы XIX в., — следовали сословия улу-узденъ. Суд и расправа находились в руках биев и *улу-узденей*, т. е. члены народного суда избирались только из этих сословий. Карачаевский *улу-узденъ* имел то же значение, что и свободный общинник у абхазов. Право владения пахотными и сенокосными землями и хуторскими участками сосредоточивалось в руках биев и *улу-узденей*» (Кубанские областные... 1887: 2–3). Кроме того, эта категория крестьянства имела право участвовать в суде с правом голоса, она также могла претендовать на родство с представителями высшего сословия и иметь своих домашних рабов. В абхазском обществе, так же как и в карачаевском, мы наблюдаем расслоение и среди крестьянства, известное здесь как *анхаюы-цкъа* — чистые крестьяне: *акуаца аамыста* — ищущие дворянство, претендующие на дворянский титул, но не получившие его. *Анхаюы аамыста*, оставаясь крестьянами, которые по имущественному цензу приравнивались к аристократии, замыкают слой свободных общинников *анхаюы*, несших повинности.

Возведенные в узденство — *кара-уздени* — были лично свободными и являлись владельцами земли. Некоторые из них имели значительные для Карачая земли — от 800 до 2 000 десятин. Кроме того, у них были *сабаны* — пашни и *биченлики* — сенокосы.

³ Примечательно, что мнения исследователей по поводу чанка расходятся. Некоторые считают, что они были представителями высшего сословия, более близкого к князьям (Каракетов, Магаяева 2014: 290). Согласно этнографическим материалам, сословие *чанка* характеризуется как *арыгъан биш* («уставший князь»), но от чего устал князь, невозможно установить, так что пока мы не обладаем нужным материалом. Еще в XIX в. сведения о происхождении *чанка* были противоречивыми. В более раннем рапорте Н. Г. Петрусевич пишет о том, что *чанка* — представители высшего сословия, а в более поздних — что они потеряли свое состояние и значение.

Сословную лестницу зависимых крестьян в Карачае открывали *кулы*. В карачаевском языке *кул* имеет несколько значений. Первое — это раб (имеется в виду раб Аллаха, а не человека), простолюдин; второе — «слуга», «невольник». Отсюда и производные слова *кьуллукьчу* — «чиновник», *кьуллукь* — «должность» и т. д. (Гаджаев 2016). В абхазском языке общего термина, обозначающего зависимого крестьянина, не существует.

Карачаевские *кулы* делились на несколько категорий:

а) *чагар-кулы*: крестьяне Карачая, «будучи на правах Чагар, могли иметь и приобретать всякого рода имущество» (Каракетов 2013: 357); *чагар-кулы* имели свои небольшие благоприобретенные земли, тогда как родовых земель они не имели;

б) *юлгюлю кул* — примерный крепостной крестьянин. Он мог себя выкупить при желании, когда накопит средства; *юлгюлю-кулы* «имели некоторые личные и имущественные права. Они могли жаловаться в мехкеме, суде, на неправомерные, с их точки зрения, действия владельца и перейти к другому при благоприятном для себя исходе дела» (Бегеулов 2002: 41). Как правило, в карачаевском обществе они являлись бесфамильными (Тамбиев 1931: 7–9). К этой категории в абхазской социальной лестнице можно отнести сословную группу *агыруа* — досл. «менгрел»;

в) *джолсуз-кулы*, или *баишсыз-кулы*. Так в Карачае именовались дворовые или «безголовые» *кулы*. В Абхазии эту категорию можно сравнить с *ахашвала* (досл. «остаток»)⁴ или *ахуюы*. Их приравнивают к патриархальным рабам. В обоих исследуемых обществах зависимые крестьяне могли получить свободу по разным причинам. Более подробные сведения о способах получения свободы мы имеем о карачаевских зависимых крестьянах. Карачаевский *кул* мог получить личную свободу от своего умирающего владельца, который на смертном одре хотел искупить грехи. Кроме того, князь давал свободу в том случае, когда за *юлгюлю кул* — кормилицу, вскормившую сына местного или соседнего князя, просил ее воспитанник. Следует учитывать также и то обстоятельство, что женщины из высших сословий, согласно нравственно-этическим нормам своего времени, не кормили грудью ни своих, ни тем более чужих детей. Поэтому родных и взятых на воспитание детей отдавали кормилице, в роли которой выступала представительница крестьянского сословия или мелкого дворянства. Зачастую у кормилицы находились одновременно и родной сын официально *аталыка*, и ребенок, взятый им на воспитание. Таким образом, часто получалось, что кроме семьи официального *аталыка* воспитанник имел еще и молочное родство с другой семьей неаристократического происхождения (Бегеулов 2009: 60).

Получив личную свободу, *кулы* оставались экономически зависимыми, пока не купят землю. Исследователями прошлых столетий зафиксированы примеры фамильных преданий, когда *кулы* покупали земли. Нам известно следующее фамильное предание: к князьям Дудовым попал юноша, которого украли из соседней Сванетии. Когда его нашли родители, он был уже взрослым и семейным. По неизвестным причинам молодой человек отказался вернуться к родителям. Родители его не оставили. Они заплатили ведро золота Дудовым за его свободу и землю, где он мог жить. В настоящее время его потомки носят фамилию Байкулов (ПМА 2017).

Расслоение крестьянства происходит и в абхазском обществе. Исследователи делят абхазское крестьянское сословие на несколько категорий в зависимости от материального и правового положения.

⁴ *Ахашвала*, *ахашвала* (букв. — «лишний», «стоящий вне общества») — категория крепостных крестьян в феодальной Абхазии. Они не имели семей и имущества (как и *моджалабе* в Имеретии и Мегрелии). Это был пленник, купленный, полученный в подарок или в виде приданого, крестьянин (Дзидзария 1958: 164).

«Первая категория, анхафы-амиста, которая образовывается из освобожденных владельцами от повинностей, лежащих на анхафы, по особым заслугам. Анхафы-амиста несут некоторые повинности и сопровождают князя во время походов. По количеству эта самая малочисленная категория» (Баратов 1879: 3).

Вторую категорию исследователи XIX в. называют *анхафы*, которые платят повинность деньгами или натурой. Князь, в свою очередь, на Рождество угощает бараниной представителей *анхафы*.

«Третья категория — это *агирво*. Являясь практически бесправным, представители этой категории выполняют домашнюю работу у князя, носят подарки, пасут скот. Агирво может быть продан. Чтобы он выкупился в *анхафы*, ему представляют выбор покупателей, но если в срок десяти дней он не выберет покупателя, то тогда может быть продан по воле владельца» (Баратов 1879: 3).

Следует отметить еще одно промежуточное сословие в карачаевском обществе. Оно существовало между свободными общинниками и зависимым населением. Представителей этого промежуточного сословия называли *чагар* — поселенец или арендатор. *Чагар* экономически зависел от того, у кого он арендовал землю или скот. Он отличался тем, что сам выбирал, у кого арендовать землю, а также мог расторгнуть договор с хозяином по собственному желанию.

Кроме вышеописанных зависимых крестьян, была категория женщин-наложниц — *къарауаш*. Это женщины, как правило, не из карачаевцев, которые были либо выкрадены, либо куплены. Они были недешевыми, стоили от 300 рублей. Как правило, *къарауаш* жила как в доме князя, так и в другом месте, выделенном князем. Являясь зависимой от князя, она обслуживала его семью, а сам князь мог использовать ее как наложницу. В том случае, когда она ему надоедала, он мог подарить *къарауаш* тем мужчинам, которые жили и работали в кошах. Дети, рожденные такой женщиной, считались бесправными. Сейчас среди карачаевцев встречаются потомки таких детей, которые всячески скрывают свое происхождение.

Таким образом, выявленные параллели в системе социальных отношений абхазов и карачаевцев позволяют поставить задачу — рассмотрение социальных отношений на Северо-Западном и Центральном Кавказе в качестве единой социально-имущественной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2008. Шларба Шота Калистратович. 1940 г. р. с. Джгерда, Очамчyrский район, Республика Абхазия.

ПМА 2016. Хатуев Рашид Тохтарович. 1966 г. р. г. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика.

ПМА 2017. Бегеулов Рустам Маратович. 1975 г. р. г. Карачаевск. Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика.

Баратов С. Г. Очерк нравов и разделения податного сословия абхазцев (из дневника старшего члена комиссии по разбору личных и поземельных прав абхазцев) // Тифлисский вестник. 1879. № 98. С. 4.

Бегеулов Р. М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002.

Бегеулов Р. М. Центральный Кавказ в XVII — первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. Карачаевск, 2009.

Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959.

Гаджаев А. Сословия в Карачае // Кумыкский взгляд. 14.08.2016. URL: <http://qumuq.ru/ru/2016/08/14/sosloviya-v-karachae/> (дата обращения: 02.03.2019).

Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в. Сухуми, 1958.

Иваненков Н. С. Карачаевцы: доклад, прочитанный на общем собрании членов ОЛИКО 28 ноября 1908 г. // Известия Общества любителей изучения Кубан. обл. Вып. 5. Екатеринодар, 1912. С. 25–91.

Каракетов М. Д. Социальная стратификация обществ Карачая и Балкарии // Лавровский сборник. Материалы XXXVI и XXXVII Среднеазиатско-Кавказских чтений, 2012–2013 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 353–361.

Каракетов М. Д., Магаяева П. И. Социальные отношения // Карачаевцы. Балкарцы. М., 2014. С. 288–327.

Кубанские областные ведомости. 1887.

Невская В. П., Студенецкая Е. Н., Шаманов И. М. Общественный быт // Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 197–227.

Студенецкая Е. Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX в. (по некоторым архивным документам) // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 45–72.

Тамбиев И. Карачай прежде и теперь. Ростов н/Д., 1931.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008. С. 11–455.

SOME KARACHAY-ABKHAZIAN PARALLELS IN THE ESTABLISHMENT OF SOCIAL RELATIONS IN THE NINETEENTH — EARLY TWENTIETH CENTURIES

ABSTRACT. The article considers some parallels in the social stratification of the two societies inhabiting the Caucasus: Karachay and Abkhazian. Studies have shown that the social structure of the two societies in question, despite their residence on different sides of the Caucasus range, has similar features. Both societies have historically been characterized by the compact residence of members of related groups (family unions) within a single settlement or quarter of a larger settlement. The most important factor affecting the stratification of property and social stratification of both societies is the possession of land as the main capital. Depending on this, the existing system of social relations in both societies implies the mandatory allocation of the main holders of land, who occupy a privileged position and play the role of local aristocracy. Accordingly, the remaining groups of the population of both Abkhazians and Karachays are divided into those who have personal freedom, but are bound with obligations towards the representatives of aristocracy, who allow them to freely manage their plots of land; and persons deprived of personal freedom, who are dependent on both the nobility and personally free community members. In both societies, there is a group with a specific position between the aristocracy and the personally free community whose origins are most difficult to analyze.

KEYWORDS: Karachay, Abkhazian society, social structure, patronymy

RITSA ZELNITSKAYA (SHLARBA) — Candidate of Historical Sciences, The Russian Museum of Ethnography (Russia, St. Petersburg)

E-mail: riza81@yandex.ru